

Андрей УПИТ

О ЛАТЫШСКОМ РАБОЧЕМ ТЕАТРЕ

ВОСПОМИНАНИЯ

Всякий, кому довелось быть свидетелем или каким-либо образом даже участником установления советского строя в России или немного позднее и в Латвии, непременно обязан написать воспоминания об этой исторической поре. Чтобы молодое поколение узнало об этих событиях не только от публицистов, а также и особенно в освещении очевидцев и участников.

Мое участие в попытках в сложных условиях Латвии перенять достижения Октября главным образом протекало в области литературы и искусства, где я прежде всего занялся театром. Долго шла борьба за создание Рабочего театра в Латвии. Впервые мысль о Рабочем театре зародилась еще значительно раньше, вскоре после первой революции 1905 года, в ночь кровавой столянской реакции, когда рабочее движение, казалось, было подавлено. В буржуазном театре Акуратер, Саулитис и целая куча полуграмотных «драмоделов» старались выслужиться перед распавшейся реакцией, глумясь, особенно в комедиях, над поверженной революцией и угнанным в каторгу и скрывающимся в эмиграции первым поколением борцов.

Именно в этой удушливой атмосфере пламенем взвилась боевая поэзия Райниса и с той же целью наращивала силы литература реалистического, антибуржуазного направления, которая свою идейную и вместе с тем художественную основу нашла в классово-социальной части пролетариата и революционно-социалистической пропаганде партии. Весной 1911 г. в демократическом Новом Рижском театре показали блестящую, великолепную революционно-романтическую и символическую пьесу «Огонь и ночь», поставленную на собранные народом средства. Переживания общества в годы столянских виселиц и в пору помещичьих карательных экспедиций были настолько неизгладимо глубоко, что люди за символическими и лирическими стихами и декоративной красотностью видели только своего героя, снова поднявшегося против непримиримо ненавистного Черного рыцаря, истинный облик которого теперь пришлось увидеть в значительно более широком и глубоком реальном воплощении.

В том же 1911 году, уже ближе к весне, в этом же театре показали мою пьесу «Голос и отголоски». Первую латышскую пьесу о жизненных невзгодах современных рабочих, об их борьбе, с оптимистическим взглядом на будущее. Первая пьеса в непривычном жанре никак не является достойным похвал художественным

произведением. Но воспринявший для нового движения рабочий класс и вместе с ним демократическое общество почувствовали в пьесе призыв с новыми силами встать против мракобесия черной реакции. Пьеса обошла всю Ригу — еще недавно, во время гастролей Театра драмы, советские люди охотно шли смотреть ее как один из эпизодов на длинном и трудном освободительном пути народа. (Две мои последующие рабочие пьесы царская цензура поставила запретил).

Сотрудничая в 1917 году в Рижском исполкоме рабочих и солдатских (латышских стрелков) депутатов, в Совете безземельных крестьян, в партийных и стрелковых газетах и содействуя тому, чтобы управление Латвией из буржуазных и кулацких рук перешло в рабочие руки, я в области культурных преобразований первым делом занялся театром.

Акуратер с компанией собирался создать свой национальный театр. Но его буржуазно-кулацкие хозяева были так встревожены судьбами, уготованными частному собственностиству в России и вместе с тем в Латвии, что такими «глупостями», как театр, их нельзя было расшевеливать. Мечта Акуратера рухнула. Точно так же распались и другие труппы, которые уже собрали или пытались организовать сами актеры или любители.

Мне надо было создать четко выраженный рабочий, то есть социалистический театр. Даже теперь, когда я только вспоминаю об этом, голова идет кругом от тех бесчисленных обязанностей, которые я взял на себя и выполнял в связи с построением театра. Непосредственных исполнителей мелких дел у меня было достаточно, мне усердно помогали разные организации и стрелки. Но все они могли делать лишь то, что им поручали или указывали. Идеологическая, хозяйственная и художественная структура театра нуждалась в разработке и пропаганде, а у меня не было ни одного литератора, которого я мог бы использовать на практической работе.

Больше всего пришлось поломать голову над подбором ансамбля исполнителей. Для социалистического рабочего искусства в какой-то мере подходили актеры Нового театра. Они хотя бы отчасти были знакомы с трудовой жизнью рабочих по русской драматической литературе и сценическим постановкам. Но основные нужные силы приходилось подбирать из деятелей бывших буржуазных театров, а они были очень далеки от того мира, который должен был прийти в первый социалистический рабочий театр.

Городская дума выделила нам здание бывшего Русского театра. Не помню, пришлось ли нам хоть раз играть в своем помещении. В конце августа царские генералы продали красную Ригу тевтонским ордам Вильгельма II, которые потом наводнили и всю Латвию. Этот и последующий 1918 год мы протомнились в тюрьмах, концентрационных загонах, в погребках разгромленных сельских усадеб или в каком-нибудь уцелевшем дровяном сарайчике.

В январе 1919 года латышский революционный пролетариат с помощью красных стрелков забрал Ригу в свои руки и заставил черносотенную буржуазию вместе с меньшевистскими лидерами убраться в Лиепая. В Латвии была провозглашена Советская республика. Став руководителем отдела искусства Комиссариата просвещения республики, я связался с необходимыми для литературы и всех остальных отраслей искусства людьми, выполнявшими предусмотренные программой работы. Я сам занялся также завершением создания Рабочего театра (параллельно работая теперь и над созданием латышской Советской оперы).

Сразу же обнаружилось, насколько полезным для дела оказалось сделанное, хоть и не доведенное до конца, в 1917 году. Идеологические, хозяйственные и художественные принципы театра остались теми же.

Никаких особых блестящих успехов мы за эти пять месяцев 1919 года добиться не смогли. Уже хотя бы потому, что состав труппы остался прежним, воспитанным в старые времена. При всем желании и при всех стараниях эти актеры за короткое время не могли перевоспитаться

или хотя бы честно вжиться и привыкнуть к новой среде и новым задачам. Вскоре мы начали играть в театре с великолепными сценой и зрительным залом. Постоянно не хватало мест для зрителей, желавших попасть на представление, хоть мы и сами не всегда были в восторге от нашего репертуара. Однако по сравнению с бывшим буржуазным театром и любительскими труппами наш Рабочий театр стоял несравненно выше. Это сразу заметили наши зрители, особенно рабочая аудитория. Чтобы театр не заполняла многочисленная категория досужих людей, рабочих фабрик и мастерских по очереди обеспечивали вход в театр. Очень много внимания мы уделяли художественному воспитанию новых зрителей. В Рабочем театре перед спектаклем, а также в опере перед концертами певцов и оркестра мы систематически читали популярную лекции.

Многие другие задуманные начинания, в том числе и театральное училище, и литературный институт, рухнули, когда в Ригу ворвались немецкие ландскнехты фон дер Гольца со сбродом оборотней из пригнанных помещиков, с черносотенными кадрами буржуазии. В первый же день с фасадов зданий сорвали надписи «Первый» и «Второй Рабочий театр» и вместо них приколотили «Национальный театр» и «Национальная опера».

Какое-то время существовал довольно близкий к Рабочему театру, в определенном революционно-пролетарском духе, с особым стилем постановочной техники театр левых профсоюзных масс, дававший представления главным образом под открытым небом (руководили им Линард Лайцен и Леон Паэгле).